

Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ

ФЕОФАН ИСПОВЕДНИК И ИСТОЧНИКИ ЕГО «ХРОНОГРАФИИ» (К вопросу о методах их освоения)

Византийская историография — это в значительной мере литература вторичная. Исторический писатель получал здесь материал большей частью не из документов, воспоминаний, рассказов или личных впечатлений, а находил его в «готовом», жанрово оформленном обличье — в хрониках, историях и других сочинениях. Именно поэтому вопрос о приемах и способах переработки трудов предшественников в применении ко многим византийским писателям превращается в проблему их исторического и одновременно художественного метода. Знание этих приемов важно как для историка, добывающего факты и вынужденного пользоваться «вторичными источниками», так и для литературоведа, изучающего пути преломления материала в сознании средневекового автора. Можно предполагать, что история развития методов освоения византийскими писателями трудов их предшественников (если она когда-нибудь будет создана!) существенно способствовала бы созданию научной картины византийской историографии в целом.

Изучение приемов компиляции имеет большое значение и потому, что процесс превращения материала в литературное сочинение — по сути дела процесс творчества историков — протекает здесь как бы на элементарном уровне; ведь средневековый писатель имел перед собой не безбрежное море жизни и не хаос фактов, а вполне упорядоченный и легко обозримый материал, уже подвергавшийся вторичной обработке. Сопоставляя то, что «входит» в созидательную деятельность историка, и то, что получается «на выходе», современный исследователь может попытаться проникнуть в творческий процесс в его простейшей форме.

Заслуга постановки проблемы на материале творчества Феофана Исповедника принадлежит советскому византисту И. С. Чичурову¹. Именно он перенес основное внимание с традиционной проблемы — что заимствовал хронист для своего произведения — на вопрос о том, как он это делал. В компиляторе Феофане И. С. Чичуров видит не ремесленника, действующего методом ножниц и клея (совсем недавно так охарактеризовал Феофана К. Мэнго²), а писателя, обрабатывавшего материал предшествен-

¹ См.: Чичуров И. С. Феофан — компилятор Феофилакты Симокатты. — Античная древность и средние века, 1973, 10; *Он же*. Феофан Исповедник — компилятор Прокония. — ВВ, 1976, 37. Наиболее полно аргументация И. С. Чичурова представлена в монографии: Чичуров И. С. Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской исторической традиции (IV—начало IX в.). — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1981 год. М., 1983, с. 41 след. Близка к позиции И. С. Чичурова и точка зрения Дж. Фербера (Theophanes' Account of the Reign of Heraclius. — Byzantine Papers. Australian Association for Byzantine Studies I. Canberra, 1981, p. 33 sq.). Австралийский ученый не упоминает и, видимо, не знает исследований И. С. Чичурова.

² Mango C. Books in the Byzantine Empire, A. D. 750—850. — In: Byzantine Books and Bookmen. Washington, 1975, p. 36, n 30. Ср.: Mango C. Who Wrote the Chronicle of Theophanes. — ЗРВИ, 1978, 18, p. 9 sq. Простого переписчика предшествующих историков видит в Феофане П. Шпек (Speck P. Kaiser Konstantin VI. Die Legitimation einer fremden und der Versuch einer eigener Herrschaft. München, 1978, Bd. 1, S. 423), а также многие другие исследователи.

ников, исходя из определенных идеологических и эстетических установок³. Своими исследованиями И. С. Чичуров «открыл» проблему, в дальнейшем обсуждении которой мы и собираемся принять посильное участие.

В «Хронографии» Феофан использует не менее десяти более ранних сочинений, однако мы остановимся лишь на тех случаях, когда его источники находятся в нашем распоряжении в оригинальном или близком к оригинальному виде. Начнем с анализа характера переработки Феофаном «Истории» Феофилакта Симокатты, поскольку, во-первых, Феофан использовал почти все сочинения Феофилакта, во-вторых, потому, что при переложении Феофилактовой истории Феофан применяет почти все имеющиеся в его распоряжении приемы освоения источника.

Нет сомнения в том, что сочинение Феофилакта было предварительно прочитано и в какой-то мере изучено Феофаном. Об этом свидетельствует прежде всего хронологическое «выравнивание» текста Феофилакта. Материал «Истории» Феофилакта, содержащий немало «забеганий» вперед и отступлений назад, не мог быть механически переложен Феофаном, а должен был подвергнуться непременно переаранжировке историком, придерживавшимся строгого погодного изложения. Такая переаранжировка, весьма детальная и в основном точная, действительно была им произведена.

Феофан излагает «Историю» Феофилакта не с ее начала, а с середины Третьей книги (Феоф., 244; 13—Симок., 128.23)⁴, как раз с того места, где ее автор совершает экскурс во времена императора Юстина. Изложив это отступление и подойдя к воцарению Маврикия, Феофан и на этот раз обращается не к началу повествования Симокатты, а рассказывает о коронации и женитьбе Маврикия (Феоф., 24—27) и лишь затем принимается за пересказ начала труда Феофилакта, сообщая о внешнеполитических событиях и о взаимоотношениях Византии со славянами и аварами. Если Феофилакт рассказывает последовательно о кампании против каждого из этих народов, то у Феофана события «перемешаны» и расположены в хронологическом порядке. Уже эта хронологическая перестановка материала предполагает определенную предварительную работу эпитоматора над текстом своего оригинала.

Используя «Историю» Феофилакта в качестве основного источника, Феофан тем не менее обращается и к другим сочинениям, компилируя их сведения с данными Феофилакта⁵. Прежде всего уже при беглом сличении текстов Феофилакта и Феофана у второго из них обнаруживаются пассажи, отсутствующие у первого и совсем не связанные с контекстом рассказа. Из 27 выделенных нами пассажей такого рода в семи содержатся данные о постройках или переоборудовании церквей, зданий, сооружений (Феоф., 248.2—3; 248.5—8; 251.16—19; 161.13—16; 272.22—27; 274.22—24; 277.14—17). В одиннадцати сообщается о смерти, рождении, бракосочетании, усыновлении, коронации, рукоположении императоров и патриархов и т. п. (Феоф., 247.28—31; 248.9—10; 248.13—14; 251.22—24; 251.25—252.4; 252.5—13; 252.24—25; 267.26—28; 271.28—32; 283.35—284.3; 284.3—6). Во всех остальных случаях тоже передаются эпизоды из жизни императорской семьи или события сугубо константинопольские. Характер заимствованных эпизодов заставляет думать, что Феофан использовал какую-то неизвестную нам хронику, автор которой концентрировал внимание на

³ См.: Бибиков М. Творческий мир византийской литературы. — Вопросы литературы, 1982, № 1, с. 260 след.

⁴ Феофан цитируется нами по изд.: *Theophanis Chronographia* / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883. (Далее: *Феоф.*), Феофилакт Симокатта — по изд.: *Theophylacti Simocatae historiae* / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887. (Далее: *Симок.*).

⁵ Проблему «других источников» впервые поставил еще в конце прошлого столетия О. Адамек, ряд выводов которого и поныне не потеряли своего значения (*Adamek O. Beiträge zur Geschichte des Byzantinischen Kaisers Mauricius*. — Bericht d. Gumn. Graz, 1890). Автор настоящей статьи исследовал материал, еще не будучи знаком со статьей О. Адамек, тем не менее его выводы во многом совпали с заключениями австрийского ученого. В какой-то степени подобные совпадения — критерий объективности полученных результатов.

внутренней жизни двора и столицы. Возможно даже, что то была константинопольская городская хроника, существование которой предполагали некоторые ученые ⁶.

До сих пор говорилось о совершенно новых сообщениях, отсутствующих у Феофилакта и вставленных в текст хроники Феофана из какого-то другого источника. Имеются, однако, случаи иного рода, когда в повествовании Феофана, в целом базирующемся на Феофилакте, появляются фактические подробности, отсутствующие у последнего. Приведем несколько наиболее ярких примеров. 1. Проб назван у Феофана патрикием (265.23), в соответствующем же месте Феофилакта его имя упоминается без всякого титула (Симок., 168.14 след.). 2. Каган направляет Приску, по Феофану, 400 повозок с продовольствием (278.21), Феофилакт никакой цифры не называет (Симок., 267.17). 3. Приск отправляет, согласно Феофану (278.24), индийские пряности кагану, в то время как последний находится в Сирмии. У Феофилакта нет речи о Сирмии (Симок., 268.2). 4. Узурпатор Фока, утверждает Феофан (289.22), прежде чем явиться во дворец, провел два дня в храме Иоанна Крестителя — Феофилакт ничего об этих двух днях не знает (Симок., 303.12). 5. Перед казнью Маврикия, согласно утверждают Феофан и Феофилакт, были убиты сыновья императора (Феоф., 290.1 = Симок., 305.4). Однако лишь первый называет число казненных — их было пятеро.

Число примеров можно легко увеличить, но определить пути, по которым эти дополнительные детали попадают в сочинение Феофана, непросто. Вполне вероятно, что некоторые из них вовсе и не являются «дополнительными деталями», а содержались в более полном манускрипте (по сравнению с дошедшими до нас рукописями Феофилакта), которым пользовался Феофан. На такую мысль наталкивает один из эпизодов, пересказанных Феофаном. Успокаивая народ, взволнованный восстанием войска, Маврикий устраивает конные ристания, во время которых, по Феофану, происходит диалог царя с прасинами и венетами (287.12 след.). При этом приводятся слова как прасинов, так и венетов. В дошедшем же до нас тексте Феофилакта «слово предоставляется» одним только венетам (Симок., 296.27), о прасинах же совсем не упоминается. Вряд ли можно себе представлять, что этот цельный и законченный эпизод смонтирован Феофаном из разных источников, — скорее всего, он нашел весь его целиком в той рукописи Феофилакта, которой пользовался.

Кое-какие коррективы и дополнения наверняка вносятся Феофаном и из других источников. В отдельных случаях отчетливо видны следы некоторых из них.

Повествуя о том, как был нарушен мир императора Юстина с персами в 572—573 гг. (244.13 след.), и пересказывая данные Феофилакта, Феофан вслед за своим источником приводит две причины этого печального события. Первая связана с историей племени химьяритов, вторая заключается в убийстве персами турецких послов, направлявшихся в Византию. Вторую причину Феофан излагает строго по Феофилакту, а вот говоря о первой, неожиданно оставляет его и приводит отрывок из сочинения Иоанна Малалы (Мал., 456.23 след.) ⁷, тоже повествующего о химьяритах, но в совершенно ином контексте, решительно никакого отношения к делу не имеющем (у Феофана речь идет о времени Юстина, у Малалы — Юстиниана). Феофан решил расширить и дополнить Феофилакта, но сделал это крайне неудачно.

Другие примеры обращения к иным источникам приводятся О. Адамек, по наблюдениям которого ряд вставок Феофана в рассказ, заимствованный у Феофилакта, находит соответствие во фрагментах Иоанна Антиохийского, Георгия Монаха и Льва Грамматика ⁸. Сходство между

⁶ См.: *Freund A. Beiträge zur Antiochenischen und zur Konstantinopolitanischen Stadtchronik*. Diss. Jena, 1882.

⁷ Цит. по изд.: *Ioannis Malalae chronographia* / Rec. L. Dindorf. Bonn, 1831. (Далее: *Мал.*.)

⁸ *Adamek O. Op. cit.*, S. 12 ff.

пассажами Феофана, с одной стороны, и Иоанна Антиохийского, Георгия Монаха и Льва Грамматика — с другой, по вполне вероятному объяснению О. Адамека, — результат использования ими некоего неизвестного нам «нового» источника. Вопрос об идентичности этого источника с тем, откуда заимствовал Феофан сведения о Константинополе и о царском дворе, остается открытым.

Однако ни предположительное использование более полной рукописи Феофилакта, ни привлечение иных источников никак не покрывают всех случаев расхождений Феофана со своим оригиналом. Нередко их причины коренятся в каких-то особенностях памяти Феофана, ассоциациях и аналогиях с другими похожими эпизодами, всплывающими в сознании хрониста. Приведем любопытную в этом отношении деталь. Пленные турки, по Феофану (266.34), имели на лбу знак креста, нанесенного черным пунктиром (*διὰ μέλανος κεντητοῦ*). В соответствующем месте Феофилакт ни о каком черном пунктире не упоминает (Симок., 208.15). Однако эта деталь всплывает через десятки страниц рукописи, уже в оригинальном и ниоткуда не заимствованном рассказе о Константине VI, велевшем начертать черным пунктиром (*μέλανι κεντητῶ*) на лицах плененных повстанцев слова «Ἀρμενιακὸς ἐπίβουλος» (Феоф., 469.13). Каким образом появляются подобные «переносы», определить очень трудно, ведь механизм их возникновения надо искать в тончайших областях человеческой психологии. Тем не менее некоторые заключения можно сделать, если сравнить тексты Феофана и Феофилакта в тех пассажах, где влияние других источников практически исключается и где Феофан остается «один на один» с Феофилактом. Как правило, для исследователя-историка все подобные отклонения от оригинала не более как досадная порча, искажения, ошибки не очень внимательного и не слишком аккуратного автора. И это действительно так, коль скоро подходить к сочинению Феофана лишь как к источнику исторических сведений. Однако выводы окажутся существенно другими, когда мы попытаемся оценить «Хронографию» Феофана как культурно-исторический памятник. Но прежде всего о характере самих этих ошибок.

Если отвлечься от элементарных *lapsus memoriae* самого автора или от частых ошибок в передаче имен и цифр, которые вполне могли быть результатом невнимания переписчика⁹, «промахи» Феофана сводятся в принципе к нескольким типам.

1. Феофан подменяет субъект или объект действия: Дарой, по Феофану (247.14), овладел персидский полководец Адормаан, по Феофилакту, — сам царь Хормизд (Симок., 131.25 след.). У Феофана к Даре прибывают ромеи во главе с Юстинианом, а рядом располагаются персы (250.18 след.). У Феофилакта все происходит наоборот (Симок., 134.29 след.). У Феофана войско поклялось не подчиняться императору Маврикию (261.1), у Феофилакта — отказалось принять военачальника Филиппика (Симок., 115.4 след.) и т. д.

2. В тексте Феофана происходят частые «хронологические сдвиги». По Феофилакту, во время бури корабль императора спасся и причалил к Даонии, там царь провел ночь, утром отправился в путь и к вечеру остановился лагерем. В эту ночь некая женщина родила урода, которого царь наутро велел уничтожить; затем он продолжает свой путь и через два дня встречает трех славян с кифарой (идет изложение этого эпизода) (Симок., 220.18 след.). Все упомянутые события заняли, по Феофилакту, четыре дня¹⁰. Те же эпизоды у Феофана происходят в два дня (Феоф.,

⁹ Стратиг императора Маврикия именуется у Феофана Архелаем (247.13). У Феофилакта это Акакий, сын Архелая (Симок., 131.21). Прежний стратиг того же царя у Феофана зовется Мартином (245.25), у Феофилакта — Маркианом (Симок., 129.23). Гудуин захватил, по Феофану, двух опьяненных варваров (277.24), по Феофилакту же, их было трое (Симок., 265.27). Войско, согласно Феофану (260.10), вышло навстречу Приску на две, согласно же Феофилакту, — на три мили (Симок., 110.39). Ромеи убили, по Феофану (282.3), восемь, а не девять, как у Феофилакта (Симок., 287.14), тысяч варваров и т. д.

¹⁰ В этом эпизоде (как, впрочем, и в ряде других), помимо временного смещения, можно видеть также и географическую переориентацию событий. Так, по Феофану, все они

268.14). Время нетрудно подсчитать по имеющимся в тексте обоих авторов указаниям. Такие временные стяжения у Феофана не редкость (например, боевые действия Приска против аваров у Феофилакта занимают двое суток, у Феофана — один день). Конечно, потеря одного-двух дней — мелочь, мало важная для историка. Однако временная переаранжировка событий подчас оказывается гораздо более существенной. Так, по Феофану (247.28 след.), заболевший Юстин усыновил и провозгласил Тиверия кесарем, а по прошествии двух лет, почувствовав облегчение от болезни, собрал синклит и клир и обратился с напутственной речью к Тиверию. По Феофилакту (Симок., 132.22), Юстин произносит свою речь одновременно с провозглашением Тиверия кесарем. Таким образом, Феофан как бы берет у своего оригинала факты и эпизоды, но по-своему организует их во времени. Впрочем, зачастую временная переорганизация бывает связана с искажением событийной стороны дела. Согласно Феофилакту (Симок., 266.10 след.), после кампании 598 г. Приск в течение 18 месяцев стоял с войском на Дунае, не совершив ничего достойного упоминания, и лишь через полтора года вступил вновь в борьбу с каганом. У Феофана (278.10 след.) ни о каких 18 месяцах нет речи: Приск в 598 г. (видимо, осенью) возвращается домой, а уже в марте следующего года возобновляет борьбу с каганом, надо полагать вернувшись на Дунай из Константинополя¹¹.

3. Феофан переставляет и по-новому сочетает между собой элементы рассказа. «Царь Маврикий, — пишет Феофан, — усыновив персидского царя Хосрова, отправил к нему своего родственника, мелитинского епископа Домициана вместе с Нарсесом, поручив последнему ведение войны» (266.13—16). В этом эпизоде, переданном фактически в одной фразе, весьма примечательно сочетались между собой три сообщения Феофилакта, не имеющие между собой ни хронологической, ни какой-либо иной связи (Маврикий усыновил Хосрова — Симок., 194.6; Маврикий отправил послом Домициана — 179.6; Маврикий назначил стратигом Нарсеса и поручил ему ведение войны — 192.6).

Следующий за только что приведенным эпизод борьбы Нарсеса с взбунтовавшимся персом Варамом построен по сходному принципу. «Варам же, узнав об этом (имеется в виду движение Нарсеса. — Я. Л.), расположился в месте под названием Александрина с намерением воспрепятствовать войску, движущемуся из Армении для соединения с Нарсесом. Дело в том, что Маврикий велел армянскому полководцу Иоанну Мистакону вместе с войском соединиться с Нарсесом, чтобы вступить в войну с Варамом. Ночью все ромейские войска соединились и построились против Варама. Варам же, охваченный страхом, разбил лагерь на горе» (266.18—26). Все детали этого сообщения Феофана без труда можно обнаружить у Феофилакта, упоминающего и место Александрина (в форме 'Αλεξανδρινά — Симок., 202.6), и войска Иоанна, пришедшие на соединение с Нарсесом (Симок., 203.24 след.), и ночь как время действия (Симок., 204.19), и, наконец, гору, на которой, видимо, располагалось войско Варама (Симок., 205.21.24). Однако детали эти находятся как бы в ином контексте. Александрина, например, — просто одно из мест по пути движения объединенного ромейско-персидского войска; ночью Варам собирался (но так и не осмелился) совершить нападение на ромеев и т. д. Феофан как бы разъединил нарисованную Феофилактом картину на отдельные компоненты, из которых затем создал совсем иную конструкцию, представил эпизод, перенес его в иное

происходят в месте высадки императора, т. е. в Даонии, между тем как, по Феофилакту, события эти случаются в разных местах по пути следования царя. О географических ошибках и неточностях Феофана подробно см.: Чичуров И. Феофан Исповедник — компилятор Прокопия, с. 64 след.

¹¹ Впрочем, с приведенным эпизодом не все так просто. В его описании у Феофана появляются детали, отсутствующие у Феофилакта. Помимо возвращения Приска, это — датировка возобновления военных действий с каганом мартом 3 индикта, а также приход Приска к Сингидону (278.13—14). Не взяты ли все эти сведения из другого источника?

время и поместив в иную топографию. Единственное сообщение, добавленное Феофаном, — это замечание, что Варам «был охвачен страхом».

Конечно, имеется в виду не сознательный процесс «разборки» конструкции Феофилакта и монтажа своей собственной, а воспроизведение текста оригинала так, как его понял и запомнил Феофан. Примечательно при этом, что, «забывая» из рассказа Феофилакта многое весьма существенное, не воспроизводя ни последовательности действия, ни его географии, Феофан фиксирует второстепенные детали и в его повествовании они выходят на первый план. Эта переакцентовка происходит у Феофана на уровне как эпизода, так и отдельной фразы. Знаменательно в этом отношении, что Феофан, как правило пользующийся паратаксом, препарирует фразы Феофилакта таким образом, что извлекает содержание из придаточного предложения или причастной конструкции Феофилакта, опуская содержание главного предложения или основной части простого.

Каким образом могли возникнуть подобные ошибки, иными словами, какие условия написания «Хронографии» и способы работы Феофана могли привести к их появлению? Поставим также и более сложную проблему: какие механизмы мышления и памяти Феофана действовали при обработке оригинала историографа и как они привели к появлению столь сильных «искажений на выходе»?

Последние два из приведенных примеров «реконструкции эпизодов», думается, могут свидетельствовать только об одном методе работы: Феофан прочитывает (выслушивает?) значительные куски текста, которые затем воспроизводит по памяти. Именно поэтому его текст почти никогда не совпадает целиком с Феофилактовым, а в иных пассажах у обоих авторов не обнаруживается ни единого совпадающего слова. Только таким методом работы можно объяснить, почему детали, отстоящие одна от другой на несколько страниц современного издания, у Феофана вдруг соединяются и сочетаются между собой.

В добавление к уже приведенным присовокупим еще два примера. Возбуждая воинов против Хормизда, Варам, по Феофану (263.23), говорит о свирепости неприятеля, его жестокости, сребролюбии и страсти к убийствам. В передаче Феофилакта речь Варамы не содержит подобной характеристики Хормизда, однако очень похожие определения находятся пятью страницами ранее — уже в форме прямой характеристики Хормизда Феофилактом (144.11). Феофан запомнил ее и вложил, к тому же весьма уместно, в уста Варамы. А вот другой случай. Персидский хардариган, по Феофану (256.14), зашел в тыл ромейскому войску безлунной ночью. Ни о какой «безлунной ночи» в соответствующем месте Феофилакта не упоминается, но она вовсе не выдумана хронографом. Эта ночь встречается у Феофилакта, только страницей ниже (86.17) и уже в другом эпизоде. Не станем нагромождать однотипных примеров: приведенных достаточно, чтобы проиллюстрировать способ работы Феофана, прочитывавшего (выслушивавшего?) большие куски текста Феофилакта, а затем передававшего его по памяти.

Итак, память Феофана фиксирует детали, элементы, подчас выстраивающиеся в его сочинении в новый контекст. При этом можно выделить несколько путей освоения историком всего материала. Об идеологической обработке подробно писал И. С. Чичуров, показавший, как Феофан добавляет, а чаще опускает отдельные эпизоды и детали под влиянием своих представлений и убеждений. Укажем на наиболее типичные ходы мышления Феофана, не сводящиеся к идеологической обработке, а отражающие более общие приемы осмысления материала. Ряд элементов добавляется Феофаном «по шаблону». Историк использует клише, сложившиеся в историографии, в том числе и у Феофилакта, но отсутствующие в данном конкретном месте оригинала. Вот хотя бы несколько примеров: войско, провозгласившее Германа императором, поднимает его на щит (*ἐπὶ ἀσπίδος ὑψίσταυτες* — 260.24). Татимер в пути предавался пьянству и роскоши (*εἰς μέθην καὶ τρυφήν*), пренебрегал осторожностью и в результате подвергся нападению славян (271.7). Ромеи вернулись на родину, взяв множество плен-

ных (*αἰχμαλωσίας πολλῆς ἐκράτησαν* — 276.2; ср.: 259.5). Ни о каком подвиге на щите Германа, ни о каком пьянстве и роскоши Татимера, ни о каком множестве пленных у ромеев в соответствующих местах труда Теофилакта ничего не говорится. Все это попросту обычная у историков, в том числе у самих Теофилакта и Феофана, толика, сопутствующая указанным ситуациям. Как это присуще средневековому писателю, на конкретное событие накладывается обобщенный образ, так сказать, идеальная модель события, живущая в сознании писателя.

Было бы, однако, неверно сводить все изменения, вносимые Феофаном в текст Теофилакта, к непреложному воздействию клише. Весьма многочисленные новые элементы рассказа появляются в результате догадки, домисливания, более или менее оправданного контекстом рассказа Теофилакта. Так, император Маврикий, по Феофану (287.29 след.), называет причиной своих несчастий Германа и родного сына — Феодосия. Феодосий у Теофилакта в этом контексте не упоминается. Можно, однако, понять, почему его имя появилось в «Хронографии». Восставшее войско хочет, по Теофилакту (Симок., 298.3 след.), провозгласить императором либо Германа, либо Феодосия. Однако догадка Феофана вряд ли справедлива: в соответствующем эпизоде «гнева Маврикия» Феодосию отведена у Теофилакта совсем другая роль, чем та, которая уготована ему Феофаном. Феодосий стоит не рядом с обвиняемым Германом, а подле своего разгневанного отца (Симок., 298.26).

Другой пример. Согласно Теофилакту (Симок., 134.4 след.), император Тиверий отправил к персидскому царю мирное посольство, но в то же время готовил свое войско к войне. Судя по контексту и форме выражения, речь идет об одновременных действиях¹². Феофан же, принимая эти эпизоды за последовательные, делает вывод о том, что посольство Тиверия не имело успеха (250.14). Любопытно, что «домисливание» Феофана в одном случае относится даже к характеристике персонажа, вообще редко встречающейся у историка. Византийский полководец Роман, по его словам (263.11), «был украшен разумом» (*συνέσει . . . ἐκχόσμητο*). У Теофилакта такой характеристики нет, зато говорится, что Роман противопоставил хитростям своего противника Варама сообразительность (*ἀρχίνοια* — Симок., 125.5). Это замечание, без сомнения, дает Феофану основание говорить о разумности Романа.

Домысел из контекста как бы выявляет то, что содержится в потенци, но не выражено четко Теофилактом. Феофан не следует ему буквально, а, получив свое, иногда субъективно окрашенное впечатление от прочитанных (прослушанных?) эпизодов, излагает события уже в собственной версии. Нередко при этом события, упоминаемые у Теофилакта, подвергаются Феофаном определенной «логизации». Она касается прежде всего порядка изложения эпизодов. Приведем только один, но весьма показательный пример. После победы над Коментиолом, рассказывает Теофилакт Симокатта (Симок., 271.9 след.), войско кагана постиг мор, во время которого умерли семь его сыновей. Коментиол же тем временем прибыл в Константинополь, жителей которого обуял великий страх перед каганом. Некоторая алогичность рассказа в данном случае очевидна: почему, в самом деле, так боятся жители столицы, если войско кагана уже подверглось столь страшной болезни? Эту алогичность ощутил, видимо, и Феофан, исправивший порядок следования эпизодов у Теофилакта: сначала он рассказывает о страхе жителей, а затем уже о болезни, поразившей войско (Феоф., 279.15 след.).

Как можно было убедиться, метод компиляции Феофана — типично средневековый. Историк стремится исключить из процесса творчества всякое воображение, всякую фантазию, к которой византийцы вообще

¹² *ἐστρατολόγει τε καὶ πλῆθη μαχίμων* (Симок., 134.9—10). С. П. Кондратьев в данном случае даже употребляет в русском переводе слово «одновременно», отсутствующее в оригинале, но вполне оправданное контекстом (Феофилакт Симокатта. История. М., 1957, с. 85).

относились крайне отрицательно. Все изменения, все искажения на «выходе» — результат бессознательной или полусознательной трансформации материала оригинала, происходящей в результате воспроизведения по памяти. Многие по существу новые эпизоды оказываются построенными из старых элементов, скрепленных между собой новыми связями.

И тем не менее, анализируя литературные тексты, вряд ли можно вывести какие-либо правила без исключений. Иногда все-таки Феофан отстает от своего оригинала, руководствуясь, видимо, стремлением к созданию живой картины. Обращает на себя внимание прежде всего его упорная тенденция переводить косвенную речь Феофилакта (и не только Феофилакта!) в прямую. Историк, который в подавляющем большинстве случаев опускает витиеватые речи персонажей, построенные по правилам риторики, краткие высказывания героев, переданные в форме косвенной речи, как правило, переводит впрямую¹³. А priori следовало бы ожидать обратного. В отдельных случаях воображение историка оживляет сухие сцены оригинала. Узурпатор Фока, по Феофану, делает вид, что хочет провозгласить Германа императором, тот, в свою очередь, притворяется, будто отказывается от императорской власти (289.4 след.). Последней детали у Феофилакта нет, но именно она придает образность всему эпизоду: оба персонажа, страстно желая власти, притворно от нее отказываются.

* * *

Хотя к «Истории войн» Прокопия Феофан обращается трижды (под 5961, 6026 и 6033 гг.), это сочинение лишь во втором случае используется достаточно широко и на значительном протяжении его хроники. Тем не менее если Феофилакт служил Феофану основным источником для изложения примерно тридцатилетней истории Византии, то весь эксерпт из Прокопия (свыше 30 страниц в издании Де Бора — с. 186—214) занят лишь одним из двух эпизодов, приведенных под 6026 г. При этом как бы не имеет значения, что второй эпизод (а по порядку он, наоборот, первый!) рассказан всего на трех строчках. . . К тому же надо иметь в виду, что события, переданные Прокопием под одним годом, по его собственному исчислению, происходили приблизительно в течение 9 лет.

Только одно сообщение в целом на протяжении всего эпизода не восходит у Феофана непосредственно к Прокопию: рассказ о Велисарии, захватившем Рим и Сицилию и отправившем к Юстиниану Виттия с женой и детьми (205.24—28). В других случаях можно обнаружить лишь детали, не заимствованные из текста Прокопия. Вот главные из них. Велисарий, по словам Феофана (191.29), велел префекту Архелаю и наварху Калониму приблизиться к Карфагену. В соответствующем месте Прокопия Калоним не упоминается (Procop., I, 388.5)¹⁴. Феофан сообщает о приходе варваров в Пентаполис (208.18). Ни о каком Пентаполисе у Прокопия не говорится (Procop., I, 514—520). Здесь можно предположить (подобно тому как это было при компилировании Феофилакта) либо влияние другого источника, либо использование более полной рукописи Прокопия, что более вероятно. Впрочем, некоторые из «дополнительных сведений» вполне могли быть и результатом самостоятельных разъяснений хрониста или же попавших в текст маргиналий (например, что остров Сардиния прежде именовался Кирносом — 198.16 и что полководец Соломон был внуком — 202.7 и т. д.).

Передавая Прокопия, Феофан нередко пользуется уже описанным нами приемом: читает (слушает?) большие отрывки из текста своего оригинала, дабы затем по памяти изложить его содержание. Характерным признаком, указывающим на применение этого метода, опять-таки оказыва-

¹³ Из весьма многочисленных примеров приведем только несколько: *Феоф.*, 267.10 след.; 270.26 след.; 275.19 след.; 276.27 след.; 288.1 след.

¹⁴ Сочинения Прокопия цит. по изд.: *Procopii Caesarensis opera omnia* / Rec. J. Haury. Lipsiae, 1905. V.I, II.

ются ошибки, аналогичные тем, которые отмечались выше. Только пересказывая по памяти, Феофан мог написать, что Велисарий велел отряду Иоанна следовать (*παρακολουθεῖν* — 192.11—12) за войском, хотя у Прокопия ясно говорится, что этот отряд должен был идти впереди него (Ргосор., I, 385.10). Только таким образом Феофан мог написать, что большинство вражеских архонтов перешло к ромеям (202.2), хотя в соответствующем месте Прокопия говорится, что все варварские начальники бежали, за исключением одного, действительно сдавшегося византийцам (Ргосор., I, 474.26). Ничем иным, как *lapsus memoriae*, можно, наконец, объяснить, что в эпизоде с поездкой в Сиракузы, рассказанном Прокопием, слугу товарища его детства замещает сам товарищ детства и т. д. (Феоф., 190.8; ср.: Ргосор., I, 374.8).

Как и при компилировании Феофилакта, мысль Феофана синтезирует детали, у Прокопия отделенные одна от другой многими страницами текста, воспроизводя верные, но не заимствованные непосредственно в первоисточнике картины. Гелимер, например, по Феофану (189.6 след.), послал на Сардинию против восставшего Годды своего брата, который и убил мятежника. В соответствующем месте «Истории» Прокопия (Ргосор., I, 363.25 след.) нет речи об убийстве Годды — о нем сообщается много позднее (Ргосор., I, 410.6)! Феофан же (предварительно прочитавший, следовательно, сочинение Прокопия!) помнит об этом факте и сообщает о нем сразу же при первом упоминании мятежника. В уже приведенном рассказе о посольстве самого Прокопия в Сицилию говорится о том, что он имел целью найти проводников в Ливию, чтобы флот мог неожиданно пристать к материку, поскольку войско опасалось морского сражения (189.28 след.). В соответствующем месте у Прокопия (Ргосор., I, 373.6) нет речи ни о поручении, данном Прокопию (найти проводника), ни о страхе войска перед морским сражением. Однако и то и другое взято из самого Прокопия. О страхе войска сообщалось ранее (Ргосор., I, 373.1), о характере же задачи Прокопия можно легко заключить по последующему описанию его действий в Сицилии. Пересказывая текст оригинала, Феофан помнит, о чем говорилось раньше, знает, о чем будет сообщено в дальнейшем, и в своем рассказе компилирует эти сведения.

Следует отметить, что таких «верно воспроизведенных» картин Феофан создал на основе текста Прокопия гораздо больше, нежели на базе повествования Феофилакта Симокаты. Первого он читает, видимо, сосредоточеннее, чем второго. В то же время, как и в случае с Феофилактом, Феофан подчас, сохраняя элементы рассказа своего оригинала, устанавливает между ними новые связи. Можно утверждать, что, склонный к паратаксису (не только в конструкции предложения, но и в самом характере мышления), Феофан предпочитает упрощать связи между элементами рассказа Прокопия. Чтобы пояснить эту мысль, приведем следующий пример. «Пуденций, — пишет Феофан, — восстал и захватил Триполи и написал Юстиниану, чтобы он отправил войско и взял город. Также и гот Годда восстал против своего господина Гелимера, овладел островом Сардинией и написал Юстиниану, чтобы прислал войско, полководца и взял остров» (188.32). В соответствующем месте у Прокопия сообщается, что Пуденций захватил Триполи, что Гелимер хотел наказать Пуденция, но ему помешало новое событие — восстание Годды (Ргосор., I, 359, 11 след.). Перенос на композицию эпизодов терминологию синтаксиса, Феофан заменил противительную связь оригинала сочинительной. Впрочем, не только в композиции эпизодов, но и в построении фраз Феофан довольно последовательно заменяет гипотактические конструкции паратактическими, явно предпочитая простые линейные сочленения причинным, временным, уступительным и прочим связям¹⁵. В этом смысле тенденция в построении

¹⁵ Прокопий пишет: «Если бы Велисарий так не выстроил войско, велев воинам Иоанна двигаться впереди, а массагетам идти справа, мы не смогли бы избежать вандалов» (Ргосор., I, 389.2 след.). Вместо условной конструкции у Феофана — простое сообщение о том, что Велисарий велел Иоанну двигаться впереди, а массагетам идти

отдельных эпизодов и фраз как бы дублирует основной композиционный принцип всей «Хронографии» — анналистический. Так же как события мировой истории сменяют одно другое, словно касаясь соседнего, подчиняясь лишь движению времени, отдельные эпизоды, а равно и отдельные фразы чередуются, сочленяясь посредством простого примыкания.

Эта тенденция коррелируется подчас и противоположной. Феофан не только ликвидирует связи, существовавшие в тексте его оригинала, но и создает новые, отсутствовавшие в нем. Прокопий, например, рассказывает о том, как ливийские земледельцы убивали рассеявшихся по стране ромейских воинов, а вслед затем повествует о подвиге дорифора Диогена (Просор., I, 407.10). Связь между двумя эпизодами у Прокопия чисто хронологическая. Не так излагает этот эпизод Феофан, по рассказу которого Велисарий, узнав о бесчинствах ливийцев, посылает на их усмирение дорифора Диогена. В ходе этой миссии Диоген и совершает свой подвиг (194.19 след.). Второй эпизод, таким образом, оказывается следствием первого, и сочинительная связь — замененной консекутивной. Точно такая же замена происходит на следующей странице, где два отдельных сообщения Прокопия (Велисарий распял предателя Лаврентия и устрашил других предателей. Массагеты признались в сговоре с Гелимером) соединяются между собой союзом *ὡστε* (так что). И здесь сочинительная связь превращается в консекутивную (195.17).

Описанный прием, однако, отнюдь не единственный, используемый Феофаном для компилирования текста Прокопия. Во многих случаях он вытесняется другим, который удобно было бы назвать «методом текстовых блоков». Суть его заключается в том, что Феофан пересказывает не весь текст оригинала, а выбирает из него отдельные пассажи — «блоки», которые монтирует один с другим без существенных изменений. Такой метод чреват смысловыми потерями, поскольку в местах соединений часто остаются «незаделанные швы» и смысловые сбои. Вот отдельные примеры. Велисарий, по Феофану (204.3—11), покинул Карфаген и отправился в Сицилию. Узнавший об этом Юстиниан отправил в Ливию своего племянника Германа. Оба сообщения смонтированы из текста Прокопия (Просор., I, 495.14 след. + 497.1 след.). Однако, будучи соединены вместе, они рождают смысл, отсутствующий в оригинале: якобы Юстиниан отправил в Ливию Германа, потому что узнал об уходе Велисария в Сицилию. На самом деле Юстиниан узнал об африканских делах, рассказ о которых у Феофана выпущен. Точно такое же искажение смысла налицо и в эпизоде, где рассказывается о Соломоне, который, «узнав об этом» (*ταῦτα μάθων*), быстро двинулся против варваров (206.4). Все дело в том, что у Феофана и Прокопия Соломон узнает о разных вещах. Недоразумение опять-таки происходит из-за механического монтирования «текстовых блоков».

В роли таких «блоков» чаще всего выступают фразы или их группы. Нередко, однако, Феофан монтирует между собой отдельные части, сегменты фраз, в результате чего также возникает отсутствующий в оригинале смысл¹⁶. Иногда вследствие столь «странного» симбиоза появляются предложения, значение которых можно выяснить, только сопоставив их с текстом оригинала¹⁷. Итак, во многих случаях Феофан компилирует

справа (Феоф., 192.6 след.). Нельзя не отметить обычного для Феофана приема, когда передается только мысль, содержащаяся в придаточном предложении и опускается заключенная в главное.

¹⁶ Так фраза Феофана *ἐπεὶ δὲ οἱ φύλακες τὴν τοῦ Γονθάριδος τελευταίην ἔμαθον, Ἰουστινιανὸν ἀνεβῶν καλλίνικον βασιλεῖα* (215.9—10) скомпонована из двух частей разных предложений Прокопия: *ἐπεὶ δὲ οἱ φύλακες τὴν Γονθάριδος τελευταίην ἔμαθον, ξυνετάσσοντο τοῖς Ἀρμενίας αὐτίκα* (Просор., I, 550. 10 след.) и *ἑμφροῦσαντες τοῖνον Ἰουστινιανὸν ἀνεβῶν καλλίνικον* (I, 550.13).

¹⁷ См.: *Theoph.*, 195.8—11: *ὁ δὲ Γελίμερ παραλαβὼν ἀμφοτέρους ἐπὶ Καρχηδόνα ἐχώρει καὶ ταύτην πολιορκεῖν ἐπειράτο οἰόμενος τοὺς ἐν Καρχηδόνι προδιδόναι αὐτῷ τὴν πόλιν, καὶ Ῥωμαίων στρατιωτῶν οἷς ἡ τοῦ Ἀρείου δοξα ἤσκητο. Грамматическая связь καὶ Ῥωμαίων στρατιωτῶν οἷς... с остальным предложением тут совершенно непонятна. Дело разъясняет соответствующая фраза Прокопия (Просор., I, 419.10 след.): *...καὶ προδοσίαν τινὰ ἐσεσθαι σφίσιν ἐν ἐλπίδι εἶχον Καρχηδονίων τε αὐτῶν καὶ Ῥωμαίων στρατιωτῶν, ὅσοις ἡ τοῦ Ἀρείου δοξα ἤσκητο.**

свой текст из отдельных «блоков», фраз, а то и сегментов фраз, пользуясь при этом совершенно иным приемом, нежели тот, о котором говорилось при анализе его работы с «Историей» Феофилакта. Можно предположить, что в этих случаях Феофан не слушает, а читает текст своего оригинала. Этим, видимо, и объясняется появление ряда ошибок, возможных только при визуальном восприятии текста¹⁸.

Как ни различны между собой методы «пересказа по памяти» и «монтажа текстовых блоков», и здесь фантазия историка оперирует лишь готовыми элементами, сочетая их новыми, подчас неожиданными связями. Однако и здесь встречаются исключения, когда воображение Феофана дорисовывает отдельные эпизоды и сцены. Примеров таких немного, тем больше, однако, их значение. Так, вместо лаконичного сообщения Прокопия о том, что наварх Калоним «разграбил имущество карфагенских и чужеземных купцов, живших у моря», Феофан рисует более детальную картину: «Калоним разграбил суда, захватил много денег, ворвался в лавки и дома живших рядом с заливом и многих взял в плен» (193.22 след). Степень фантазии автора бесконечно мала, если мерить ее масштабами античной или новой литературы, тем не менее сама возможность ее проявления заслуживает упоминания.

* * *

О соотношении между сочинением Феофана и «Хронографией» Иоанна Малалы судить несравненно труднее: имеющаяся в нашем распоряжении единственная оксфордская рукопись Малалы — не более как сокращенная версия, сделанная к тому же не слишком образованным и сообразительным редактором¹⁹. В ряде случаев «Хронография» Феофана доносит до нас более полный и лучше сохранившийся текст оригинального Малалы, нежели оксфордская рукопись его произведения. Тексты Феофана и этой рукописи подлежат сравнению скорее как два произведения, восходящие к одному источнику, нежели как непосредственно зависящие одно от другого. И тем не менее такое сопоставление необходимо для наших целей, во-первых, потому что Малала наряду с Феодором Анагностом служит Феофану источником для рассказа о многих десятилетиях византийской истории, во-вторых, потому что Малала совершенно непохож ни на Феофилакта, ни на Прокопия (это хроника средневекового характера, типологически близкая «Хронографии» Феофана), и, в-третьих, по той причине, что наряду с известными уже нам методами заимствования Феофан, перелагая Малалу, использует и несколько отличные приемы компиляции.

В разделах сочинений Феофана, так или иначе связанных с «Хронографией» Малалы, можно различить как части, в которых Малала служит основным источником, так и части, где фрагменты из Малалы оказываются вмонтированными в текст, заимствованный у других авторов (чаще всего Феодора Анагноста).

Анализ ошибок, которые допускает Феофан, перелагая Малалу, уже практически не добавляет ничего нового к сделанным ранее наблюдениям. Приведем наиболее выразительные из «промахов» Феофана. Следуя Малале, Феофан начинает рассказ о посольстве Юстиниана к персидскому царю во главе с Гермогеном и приводит — с небольшими отклонениями — соответствующее сообщение об этом Малалы (Мал., 178.27—29). Последний, однако, ничего не говорит о судьбе посольства, обрывает по-своему обыкновенно эпизод и переходит к следующему. Феофан же продолжает

¹⁸ $\chi\rho\eta\mu\alpha$ у Прокопия (381.7) превращается у Феофана в $\chi\acute{\alpha}\sigma\mu\alpha$ (190.18), $\acute{\alpha}\lambda\mu\eta$ (390.11) — в $\acute{\alpha}\lambda\kappa\eta$ (192.18), $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\sigma\varsigma$ (541.23) — в $\kappa\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\varsigma$ (213.19) и т. д. Отдельные из этих погрешностей могли возникнуть, конечно, в результате невнимательности переписчика.

¹⁹ Приведем, видимо, самый уничижительный отзыв об авторе этой дошедшей до нас версии: «В сочинении Малалы мы видим лишь отражение некоего много выше его стоящего труда, который бессмысленно сокращал совершенно необразованный и лишенный здравого смысла человек» (*Gleye G. Ein Beitrag zur Charakteristik des Malalawerkes. — Pädagogische Anzeiger für Rußland, 1912, N 6, S. 362*).

рассказ (178.30—179.14) опять-таки пассажем из Малалы, но использует при этом уже отрывок, относящийся совсем к другому времени и даже к другому посольству — во главе с Руфином (455.10 след.). Таким образом, Феофан «монтирует блоки», в результате чего соединяет два посольства в одно. Подобный «монтаж блоков» нередко, как мы помним, Феофан использовал, экскерпируя Прокопия.

Другой пример содержит *lapsus memoriae*, естественный при пересказе по памяти значительных отрывков текста. Малала говорит о божьем гневе (*θεομηνία*), постигшем Аназарв (Мал., 418.6—8), а затем Эдесу (418.8—419.4), и при этом сообщает, что император Юстин, оказавший городу много милостей, переименовал Эдесу в Юстинополь. Феофан передает оба сообщения, однако переименование города в Юстинополь относит к Аназарву (171.14—28). Такого рода подмену деталей мы чаще всего встречали там, где Феофан перелагал Феофилакта Симокату²⁰. Таким образом, в работе над Малалой Феофан пользуется в принципе теми же приемами, что и при пересказе Феофилакта и Прокопия. И тем не менее, перелагая Малалу, Феофан столкнулся с сочинением, представляющим не целостный рассказ, пронизанный логическими и смысловыми связями, а конгломерат отдельных сообщений, лишь внешне примыкающих одно к другому. При этом (во всяком случае, в дошедшей до нас версии Малалы) большинство сообщений лишено хронологических помет, кроме самых общих — типа «в то же самое царствование» или «в то же время» (*ἐν τοῖς χρόνοις τῆς αὐτοῦ βασιλείας, ἐν αὐτῷ δὲ τῷ χρόνῳ*). Видимо, это обстоятельство заставляет Феофана не следовать порядку своего оригинала, как в большинстве случаев делается при передаче сочинений Феофилакта и Прокопия, а перетасовывать эпизоды-сообщения Малалы, подобно карточной колоде, по своему разумению.

Прежде всего Феофан, конечно, стремится расположить сообщения в правильном, а вернее, в кажущемся ему правильным хронологическом порядке. Тем не менее, обладая минимумом критериев для оправданного хронологического расположения материала, он пользуется принципом, который на первый взгляд может показаться для него и вовсе неожиданным. Рассказав под 6016 г. о заступничестве Теодориха за ариан (169.19 след., рассказ восходит к Феодору Анагносту?), Феофан присоединяет обширное сообщение о преследованиях и резне, учиненной персидским царем Кавадом над манихеями (169.27—170.24). Это последнее сообщение заимствовано уже из Малалы (Мал., 444.5—19), причем Феофан резко «забегает вперед» (примерно на 38 страниц боннского издания!) и цитирует Малалу совсем не из того места, которое он передает в этой части своего труда. Что принуждает византийского хрониста привлекать столь далеко отстоящий эпизод из Малалы? Единственным оправданием тут может служить тематическое сходство эпизодов: рассказ об отношении Теодориха к арианам как бы «влечет» за собой рассказ об отношении Кавада к манихеям. Весьма знаменательно, что вслед за тем Феофан приводит сообщение Малалы (Мал., 422.14 след.) об императоре Юстине, разославшем указы, которые повелевали наказывать всех, устраивающих беспорядки и учиняющих убийства (170.24—28). Феофан совершает здесь грубейшую ошибку; сообщение Малалы, касающееся Юстиниана, он относит к Юстину. Более того, спутав Юстиниана с Юстином, Феофан утверждает, что последний взял в жены Феодору. Что же опять-таки заставляет Феофана снова перелистывать назад рукопись Малалы и при этом еще

²⁰ Не следует думать, что все изменения оригинала у Феофана непременно «порча», «искажения» и т. п. Можно привести случаи, особенно в разделах, где перелагается столь неточное и сумбурное по содержанию произведение, как «Хронография» Малалы, когда оригинал не только не «портится», но, напротив, исправляется. Так, во многих местах, в том числе и в только что цитированном отрывке о посольстве Гермогена к персидскому царю, имя Кавада заменяется — и заменяется совершенно верно — на Хосроя. Кавада ко времени описываемых событий уже не было в живых! Можно указать и на другие случаи сознательного исправления текста. Например, по Феофану, беспорядки венетов начались в Антиохии (*Феоф.*, 166.26), в то время как Малала в этом же контексте пишет о Константинополе (*Мал.*, 416.6).

приписывать Юстину то, что «по праву принадлежит» Юстиниану? Думается, что здесь тоже играют роль тематические соображения. Рассказ о жестокой расправе Кавада над манихеями оттеняется сообщением о достойном и милосердном поведении благочестивого Юстина.

Таким образом, связь между эпизодами оказывается чем-то бóльшим, нежели простое примыкание, которое по праву считается основным композиционным методом анналиста Феофана. Явно тематические соображения играют роль и в тех нескольких случаях, когда Феофан концентрирует вместе эпизоды, заимствованные из разных разделов сочинения Малалы, а также Феодора Анагноста и Прокопия, эпизоды, которые лишены датировок, но содержат однотипные сообщения, будь то о событиях внешней или внутренней истории или, наконец, о всевозможных стихийных явлениях либо чудесах. Так, во всех эпизодах, примыкающих один к другому на протяжении Феоф., 171.14—173.1, говорится исключительно о стихийных бедствиях, Феоф., 176.17—27 — о внутренней истории, Феоф., 216.23—217.22 — о церковной истории, Феоф., 217.26—222.8 — о событиях внешнеполитических.

О «тематизме» Феофана свидетельствует, думается, и другой пассаж. Малала пишет: «В феврале десятого индикта епископ Рима Вигилий явился в Константинополь. В то же время Рим был захвачен готами» (Мал., 483.2—5). Передавая эти сообщения, Феофан меняет их места: «В этом году Рим был взят готами и папа Вигилий явился в Константинополь» (225.12). Смысл этого небольшого изменения в следующем: Феофан, в отличие от Малалы, продолжает рассказ о папе Вигилии в Константинополе и о его взаимоотношениях с патриархом Миной и Юстинианом (225.13—28). Не касаемся сейчас вопроса, откуда Феофан заимствовал этот рассказ, — важно то, что он объединяет его в один эпизод, в то время как Малала рассеял его по трем разным местам.

Итак, перелагая Малалу, Феофан гораздо чаще, чем в других случаях, пользуется методом, который можно сравнить с приемами мозаичиста, прилаживающего один к другому кубики, взятые из более древней композиции. Метод мозаичиста подчас с большой виртуозностью Феофан особенно часто применяет в местах «стыков» источников, излагая историю эпохи, для которой в его распоряжении находилось не одно, а два и более исторических сочинения (чаще всего это случается там, где он кончает пользоваться каким-то источником, обращается к новому, но еще не переходит на него полностью). Этот же метод хронист применяет и там, где хочет изложить то или иное событие с наибольшей полнотой. Покажем это на примере рассказа Феофана о знаменитом восстании Ника (Феоф., 181.24—186.2).

Пересказывая Малалу и не найдя у него достаточно подробного рассказа о восстании, Феофан обращается к другой имеющейся в его распоряжении рукописи и выписывает из нее — весьма близко к тексту — содержащееся там сообщение о восстании Ника²¹. Не удовлетворившись, однако, краткостью и этого сообщения, он привлекает третье сочинение — Пасхальную хронику и начинает уже подробно повествовать о том же восстании. При этом Феофан рассказывает о распре на ипподроме (знаменитые «Акты Каллоподия») значительно более полно, чем она изложена в Пасхальной хронике (см. Феоф., 181.32—184.2=Пасх. хр., 620.4—13)²².

Не ограничившись описанием народного возмущения на ипподроме («Акты Каллоподия») как повода к восстанию и дальнейшему «бесчинству черни», Феофан приводит и другую причину — он передает эпизод с двумя

²¹ Сообщение это дошло до нас в: *Anecdota graeca e codd. manuscriptis bibliothecae regiae parisiensis* / Ed. J. Cramer, 1839, II, p. 112.19—27. Данный отрывок сохранился в числе хроникальных заметок, приложенных в парижской рукописи к «церковно-историческому эпитоме» Феодора Анагноста.

²² Пасхальную хронику цит. по изд.: *Chronicon Paschale* / Ed. L. Dindorf. Bonn, 1832, I. Можно думать, что в дошедшей до нас рукописи этой хроники «Акты Каллоподия» сокращены; Феофан же пользовался рукописью, в которой они содержались в полном виде.

приговоренными к повешению зачинщиками, упавшими с виселицы и пытавшимися спастись в церкви св. Лаврентия. Отказ епарха гарантировать спасением безопасность вызывает возмущение народа (Феоф., 184.3—14). Феофан использует для этого рассказа «Хронику» Малалы, которую, было, оставил, обратившись к повествованию о восстании (Мал., 473.12 след.). После этого он вновь возвращается к Пасхальной хронике и уже по ней повествует о дальнейшем ходе восстания. Таким образом, рассказ о восстании Ника оказался составленным из четырех «блоков», заимствованных из трех разных источников, причем Феофан не правит один источник по другому, а берет из каждого готовые сообщения, нисколько не смущаясь тем, что подчас дважды (конечно, по разным авторам) повествует об одних и тех же событиях²³.

* * *

Пересказывая Георгия Писиду (Феоф., 303.17—306.8=Georg. Pis., p. 17.139—41.297)²⁴, Феофан демонстрирует все отмеченные уже методы переработки источников. Поэтому детальное сравнение текстов оригинала и «Хронографии» Феофана вряд ли может добавить существенные штрихи к уже нарисованной картине. Чаще всего Феофан по памяти пересказывает сочинение Георгия Писиды, как всегда смещая в этом случае и по-новому комбинируя детали. Иногда, однако, он прибегает и к методу соединения «текстовых блоков», komponуя отдельные фразы из своего оригинала в новом смысловом контексте (см.: Феоф., 303.17 след.). Как и в остальных случаях, Феофан почти не правит текст Георгия Писиды по другим источникам, но, пользуясь «методом мозаичиста», комбинирует блоки из разных авторов. Применение данного метода приводит к тому, что Феофан дважды по разным источникам рассказывает об одном и том же событии. Пример — дважды повторенный рассказ об учениях, которые устроил своему войску император Иракий. Впервые о них Феофан рассказывает по какому-то неизвестному нам источнику (Феоф., 303.12—17), вторично — уже с привлечением Георгия Писиды (Феоф., 304.3—11)²⁵.

* * *

Подводя итоги, заметим, что методы переработки Феофаном своих источников разнообразнее, чем это может показаться с первого взгляда. Собственно говоря, речь должна идти о трех главных способах, используемых византийским хронистом.

1. Феофан пересказывает по памяти и потому своими словами большие отрывки текста, нередко устанавливая новые связи между верно сохраненными деталями. К этому способу он чаще всего прибегает при переработке «Истории» Феофилакта Симокатты.

2. Феофан соединяет между собой отдельные «текстовые блоки» оригинала, выпуская соединяющие их пассажи; в результате такой операции нередко образуются новые логические и смысловые сочленения между блоками. Этот метод чаще всего применяется при переработке текста Прокпия.

3. Феофан в совершенно новом порядке, по «методу мозаичиста», монтирует «текстовые блоки» из произведений одного, двух и более авторов. Этот метод чаще всего встречается при пересказе «Хронографии»

²³ Например, о том, как толпа спалила ксенодохий *Σαμφών*, сообщается Феоф., 181.28 (по «Эпитоме») и Феоф., 184.25 (по Пасхальной хронике).

²⁴ Георгия Писиду цит. по изд.: *Georgii Pisidae Expeditio persica, Bellum avaricum, Heraclias / Rec. I. Bekkerus. Bonn, 1836.*

²⁵ Многочисленные пассажи заимствованы также Феофаном из эпитоме «Церковной истории» Феодора Анагноста. Сравнение обоих текстов не прибавляет ничего существенного к сделанным выводам. Приведем лишь характеристику метода Феофана, данную издателем Феодора Анагноста Г. Ханзеном: «Способ использования (текста Феодора Анагноста. — Я. Л.) — не рабский. В отличие от многих поздних хронографов Феофан цитирует не буквально, а производит стилистические изменения, сокращения, перестановки. Встречаются также смещения и неточности» (*Theodoros Anagnostes. Kirchengeschichte / Ed. G. Ch. Hansen. B., 1971, S. XXIX.*)

Иоанна Малалы или в тех, не столь уж частых, случаях, когда события излагаются по двум и более источникам.

Историку, добывающему исторические факты из тех пассажей «Хронографии» Феофана, источники которых не сохранились, надо постоянно иметь в виду перечисленные особенности. Исторический факт, верная деталь могут быть поставлены Феофаном в совершенно иной логический, смысловой и хронологический контекст.

Промахи хрониста, не переставая быть обыкновенными ошибками не слишком внимательного компилятора, свидетельствуют одновременно о специфическом механизме мышления средневекового автора, в конечном счете отражающем особенности его исторического и литературного метода. Характеризуя последний, приходится учитывать, что Феофан не столь однозначен, как это может представляться при первом чтении. Композиция «Хронографии» в принципе атематична, и в то же время элементарное прикрытие эпизодов сочетается в ней с их тематической группировкой. Феофан, как правило, стремится следовать оригиналу, однако это стремление не всегда распространяется на связи между эпизодами. Верность передачи факта и детали сочетается с некоторой долей фантазии в их группировке. Заданность метода, свойственная почти любому средневековому писателю, ослабляется индивидуальными писательскими приемами, строгость правила смягчается большим числом исключений.

Феофан — принципиальный систематизатор и системосозидатель. Различные версии одних и тех же исторических событий, противоречия в свидетельствах различных источников для него как бы не существуют или, во всяком случае, остаются за скобками его повествования. Принятая им версия должна молчаливо восприниматься в качестве единственно возможной.

В этом смысле приемы работы Феофана прямо противоположны методу свято чтимого им его учителя Георгия Синкелла. Тот — историк, беспокойно ищущий истину (если, конечно, не ошибочно первое впечатление современного исследователя от этого очень мало изученного писателя). Он постоянно делает выписки из произведений разных хронистов, повествующих об одних и тех же событиях, отказываясь сводить воедино противоречивые свидетельства. Обращаясь к различным источникам и заново рассматривая одни и те же исторические или легендарные факты, Георгий Синкелл подчас приходит к взаимоисключающим выводам, которые нередко сосуществуют в его сочинении, так и оставшемся без окончательного редактирования²⁶.

В отличие от Георгия Синкелла, Феофану «все ясно», его не посещают сомнения и колебания, он безусловен и категоричен, его версия событий как бы должна молчаливо признаваться единственно справедливой и правильной, однако картина истории, рисуемая Феофаном, типично «средневековая». Средневековому художнику целое всегда представляется в виде суммы деталей, связь между которыми может осуществляться лишь в некоей высшей сфере и не должна выражаться наглядно и зримо. Агиограф или энкомиаст, рисуя образ своего героя, нанизывает на одну нить (по принципу «ожерелья») звенья его подвигов. Историк или биограф перечисляет качества изображаемого им персонажа, которые также свободно примыкают одно к другому, как исторические факты в сочинении хрониста-анналиста (характернейший пример — так называемые соматопсихограммы у Иоанна Малалы). Средневековый автор экфразы, описывая произведение искусства, не стремится передать целостное впечатление, а скрупулезно перечисляет составляющие его детали. Не потому ли и Феофан, сохраняя детали и факты из сочинений-источников, часто опускает их сочленения или даже устанавливает новые, произвольные связи?

²⁶ Весьма интересная историко-литературная характеристика сочинения Георгия Синкелла содержится в единственной, по сути дела, статье, посвященной его творчеству. См.: *Lagqueur J.* — RE, 2. R. 8. Hbd., s. v. Synkellos. О противоположности метода Феофана и Георгия Синкелла см.: *Чичуров И. С.* Феофан Исповедник — публикатор, редактор, автор? (В связи со статьей К. Манго). — ВВ, 1981, 42, с. 85 след.